

Эту идею самоцельности внутреннего монолога, функционально якобы не связанного с задачей воссоздания «диалектики души», автор книги о Толстом решительно и доказательно отвергает.

Глубокую трактовку в исследовании о Толстом получает знаменитый тезис писателя «люди как реки», который иногда истолковывается в научной литературе, с одной стороны, как развитие его же тезиса «нет в мире виноватых», а с другой — как толстовская формула аморфности, неустойчивости человеческого характера. Ученый указывает на «Воскресение», которое никак не может быть иллюстрацией идей всепрощения, и, говоря о зыбкости, аморфности человеческого характера, якобы утверждаемых нравственной философией Толстого, прекрасно обосновывает вывод: «Личность в произведениях Толстого — отнюдь не простое наименование ряда психических состояний..., а та глубокая и сложная человеческая индивидуальность, которая стремится понять окружающий мир, зло, существующее в нем, стремится найти принципы истинно человеческой жизни».

Та сторона поэтики, которая относится к построению произведения, к его композиционной структуре, также глубоко рассмотрена в книге — хочется указать хотя бы на анализ структуры «Хаджи Мурата» и ее отдельных элементов, например, так называемого «внутреннего параллелизма».

М. Б. Храпченко точно определяет многие художественные открытия Толстого. Как и в книге о Гоголе, он указывает здесь на исключительное значение темы народа в творчестве русского писателя. Своеобразие ее решения в толстовском художественном опыте выявлено в монографии всесторонне и оригинально, а изображение автором «Войны и мира» взаимосвязей между личным и социальным, индивидуальным и народным отнесено к числу выдающихся завоеваний русской и мировой литературы.

Вся логика научного повествования в монографии решительно опровергает поразительные суждения некоторых зарубежных русистов о том, что в толстовской эпопее выражена идея: война объединяет людей, мир разъединяет их. В книге М. Б. Храпченко внимательно проанализировано все, что относится к развенчанию ложной военной романтики и вообще к отрицанию апологии войны. На последнем основывается сопоставление в монографии двух нравственных антиподов — Наполеона и Кутузова. Здесь противопоставлены антинародное и народное начала жизни, а народ в этической философии и художественной концепции Толстого — подлинный носитель идеи объединения и мира.

Заслугой М. Б. Храпченко является то, что он увидел и определил толстовскую идею возрождения людей как коренную проблему исторического обновления жизни. «В „Воскресении“, — говорит ученый, — широко ставится проблема не только возрождения личности, но и возрождения народа, проблема коренного изменения его жизни, жизни всего общества».

Исследователь считает идею возрождения человека и народа «пафосом творчества» Толстого и этим объясняет исключительный размах эпического дарования гениального художника, соединившего пересмотр исторических, общественных ценностей с глубочайшим вниманием к духовной сущности конкретного человека.

Актуальная в научном и идеологическом отношении, методологически последовательная книга М. Б. Храпченко о Толстом — одна из самых серьезных историко-литературных работ в советской науке последних лет.

В ней хорошо видна теоретико-литературная позиция автора. Сами приемы анализа сложного художественного материала теоретически ценны и содержательны.

Однако осознание огромных потребностей в развитии методологии и теории литературы побудило ученого в последние годы к необычайно активному исследованию соответствующих проблем литературной науки.